

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

ПОВОРОТ НА ВОСТОК

Сборник статей к 70-летию Рамиля
Миргасимовича Валеева

Издательство Арт-Экспресс
Санкт-Петербург — Казань
2025

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
П 42

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института восточных рукописей РАН

Научное издание

Р е ц е н з е н т ы :

Доктор исторических наук Р. А. Набиев
Кандидат философских наук Т. В. Ермакова

Поворот на Восток. Сб. статей к 70-летию Рамиля Миргасимовича
Валеева / Сост. Т. А. Пан. Санкт-Петербург, Арт-Экспресс, 2025. — 564 с., илл.

ISBN 978-5-4391-1035-3
DOI: 10.48612/IVRRAN/ke4v-9zxe-f3u6

Сборник посвящен 70-летию доктора исторических наук, профессора Рамиля Миргасимовича Валеева — историка, преподавателя, крупнейшего в Татарстане специалиста по истории российского востоковедения, архивов и книжных собраний. В сборник вошли статьи его коллег, посвященные истории китаистики, маньчжуроведения, истории Ближнего и Среднего Востока, музейных и книжных коллекций, биографиям и переписке известных ученых, связанных с востоковедением в Казани. Кроме того, в сборнике затронуты вопросы взаимоотношения России и Востока, включая сюжеты, касающиеся истории, культуры и науки Татарстана.

Сборник рассчитан на всех интересующихся достижениями отечественного востоковедения.

© ИВР РАН, 2025

© КФУ, 2025

ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти», 2025

© Коллектив авторов, 2025

ISBN 978-5-4391-1035-3

© Издательство «Арт-Экспресс», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление	7
<i>Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова.</i> Профессор и коллега Рамиль Миргасимович Валеев: эскиз научной биографии	19
Библиография научных и учебных работ профессора Р.М.Валеева. . . .	48
<i>В.Г. Дацышен.</i> Изучение истории Китая на Академическом этапе истории русского китаеведения	139
<i>Tatiana A. Pang.</i> The Manchu Studies in Russia in the 18 th –19 th Centuries	172
<i>Ю.Г. Благодар.</i> Роль российских печатных изданий в распространении знаний о Китае (XIX — начало XX вв.)	197
<i>И.В. Кульганек.</i> Три труда О.М. Ковалевского по монгольской филологии	218
<i>В.Л. Успенский.</i> О.М. Ковалевский о католичестве в Китае	230
<i>Д.А. Носов.</i> Столетие русского «рекогносцировочно-разведывательного» исследования Монголии: 1828–1928 гг.	243
<i>Гульджан Иналджик, Окан Ешилот.</i> Отчет Николая Федоровича Катанова о поездке в Минусинск (1896 г.)	253
<i>Hartmut Walravens.</i> Letters from Samuel Butler (1774–1839) to Julius Klaproth (1782–1835)	264
<i>И. Ф. Попова.</i> Неизданный сборник статей «Восточный Китай». Обзор содержания	273
<i>Н.А. Самойлов.</i> Русская почта в Китае и Османской империи в конце XIX — начале XX в.	290
<i>М.А. Козинцев.</i> К оценке научного наследия И.Н. Березина в советском востоковедении: очерк Б.М. Данцига	302
<i>Д.Е. Мартынов.</i> Доуве Фоккема: постмодернизм и китайская утопия	331
<i>Л.А. Сыченкова.</i> Типологические особенности крымско-татарской архитектуры в наследии российского востоковеда Б.А. Денике	350

<i>И.В. Герасимов.</i> Две арабские рукописи из наследия Ризаэтдина Фахретдинова в Архиве востоковедов ИВР РАН	379
<i>А.А. Арсланова, Н.Б. Пазина.</i> Материалы к неосуществленному каталогу персоязычных рукописей в коллекции Казанского Императорского университета (до 1855 г.) по черновикам профессора И. Ф. Готвальда (1813–1897 гг.)	392
<i>Ю.И. Дробышев.</i> Образ Чингис-хана в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина	421
<i>А.Ш. Кадырбаев.</i> Тюрки Дешт-и-Кыпчака и их взаимоотношения с соседними народами накануне монгольского нашествия	439
<i>Б.Л. Хамидуллин.</i> Казанское государство — цельная этнополитическая общность народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья XV–XVI вв.	462
<i>И.Л. Кызласов.</i> Выделение земель для манихейских монастырей и храмов (Новое прочтение седьмой строки Суджинской стелы)	490
<i>С.А. Французов.</i> Персидские глоссы у ад-Дйнаварй	522
<i>Н.Н. Дьяков.</i> Алжир: война миллиона мучеников. К 70-летию начала освободительной войны в Алжире (1954–1962)	529
<i>С.А. Кириллина, В.Е. Смирнов.</i> Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии реформы высшей школы	545
Список авторов	559

Б. Л. Хамидуллин

Академия наук Республики Татарстан

DOI: 10.48612/IVRRAN/prgx-dk4v-z9gp

**КАЗАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО — ЦЕЛЬНАЯ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
И ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ XV–XVI вв.**

Аннотация. Казанское ханство (1438/1445–1552/1556), являясь территориально крупным, политически и экономически развитым государством, системообразующим элементом для всего Волго-Уральского региона, имело богатую историю, играло серьезную роль в этнополитической жизни Восточной Европы и Западной Сибири, внесло существенный вклад в историю народов Центральной Евразии. Изучение этнокультурного и социально-экономического развития населения Казанского ханства привело автора к заключению, что оно было прогрессивным. Народы Казанского государства осознавали положительные плоды своей принадлежности к единому общественно-политическому и этнокультурному пространству, о чем свидетельствует их (в тот период времени — вполне логичное) активное многолетнее стремление сохранить его целостность. В результате событий 1552–1556 гг. Среднее Поволжье явилось первым крупным полиэтническим регионом, включенным в состав Московского царства, отныне и навсегда превратившейся в Россию со своим уникальным многонациональным и поликультурным обликом.

Этносоциальная история Казанского ханства (1438/1445–1552/1556) — государства, в свое время названного М. Г. Худяковым (1894–1936) «лишь небольшим эпизодом в многовековой жизни казанских татар»¹, а Ш. Ф. Мухамедьяровым (1923–2005) — «го-

---

¹ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства / Подг. к изд. Б. Л. Хамидуллин. Казань, 2004. С. 40.

сударственным образованием народов Среднего Поволжья»², уже была подвергнута мной скрупулезному исследованию³. Со времени написания и издания монографии «Народы Казанского ханства» (2002) прошло более 20 лет — а для современной науки это срок очень немалый — и многие ее положения требуют как точечного фактологического уточнения, так и масштабного концептуального переосмысления. Сделать последнее, на мой взгляд, архисложно, что напрямую зависит от крайней скудости и противоречивости источникового материала⁴, позволяющего более-менее адекватно понять лишь часть истории Казанского ханства (в основном — политических взаимоотношений с Московским княжеством⁵), базирующуюся, в первую очередь, на сведениях идеологически ангажированных летописных источников. В результате в историографии по этносоциальной истории Сред-

² Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI вв.) / Дисс. ... к.и.н. М., 1950. С. 5.

³ Хамидуллин Б. Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002. 335 с.; Хамидуллин Б. Л. Этносоциальная история Казанского ханства / Дисс. ... к.и.н. Казань, 2004. 218 с.

⁴ Фахрутдинов Р. Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // Советская археология. М., 1973. № 4. С. 113–122; Источники по истории Татарстана / Сост. С. Х. Алишев и Р. Г. Фахрутдинов. Казань, 1993. С. 8–69; Хамидуллин Б. Л. Источники по истории Казанского ханства // Идель. Казань, 1998. № 6. С. 62–65; Хамидуллин Б. Л., Измайлов И. Л. Нарративные источники по истории Казанского ханства // Научный Татарстан. Казань, 2012. № 3. С. 114–129.

⁵ Алишев С. Х. Казань и Москва. Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. 160 с.; Хамидуллин Б. Л. Становление и развитие Казанского ханства // Аргатак. Набережные Челны, 1995. № 12. С. 154–165; Котляров Д. А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. 314 с.; Bakhtin A., Khamidullin B. Political history of the Kazan Khanate // The history of the Tatars since ancient times: In Seven Volumes. Vol. 4. Tatar States (15–18th Centuries). Kazan, 2017. S. 288–358; Бахтин А. Г. Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб., 2022. 528 с.

него Поволжья и Западного Приуралья середины XV — середины XVI вв. существуют десятки концепций, нередко взаимоисключающие друг друга, сформулированные и пропагандируемые адептами разных исторических научных школ⁶.

Точные границы Казанского государства, причем явно неодинаковые в разные периоды его существования, до сих пор неизвестны. На юге они доходили до Самарской Луки, до владений Ногайской Орды; на западе проходили в бассейне западных притоков Суры и Ветлуги, а на севере — где-то севернее рек Пижмы и Чепцы, соприкасаясь с владениями Великого княжества Московского; на востоке — где-то на территории современного восточного Башкортостана, соприкасаясь с границами Тюменского/Сибирского ханства и Ногайской Орды. Вся эта территория Казанского ханства по этносоциальному и географическому принципам делилась на 4 условно западные «стороны» (Арскую, Горную, Луговую и Побережную) и 6 условно восточных «земель» (Башкирскую, Беловоложскую, Вотякскую, Камскую, Костятскую [Иштякскую?] и Сыплинскую), а административно-политически — на центральный ханский домен и как минимум 5 «даруг» (Алатскую, Арскую, Галицкую, Зюрейскую и Ногайскую), в ярлыке хана Сахиб-Гирея от 1 января 1523 г. в совокупности названных «казанскими вилайетами и богохранимыми пределами»⁷. В орбите политического влияния казанских ханов и нередко в даннических отношениях к ханству находились Великая Пермь и Вятская земля, о чем свидетельствуют, например, письма казанского хана Сафа-Гирея польско-литовскому королю Сигизмунду I. Примерно с 1468 по 1477 гг. Вятской землей правил наместник хана Ибрагима. Такую сложную схему и иерархию земель Казанского ханства можно объяснить лишь предшествующей историей администрирования

⁶ См., например: Хамидуллин Б.Л. «...Окаянная дочь Златой орды...»: очерки и историографические заметки по истории Золотой Орды и Казанского ханства. Казань, 2018. С. 72–289.

⁷ Тарханный подтверждающий ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц (929 г., сафара 13 = 1523 г., января 1) // История татар Западного Приуралья. Казань, 2016. Т. I. С. 399.

этих территорий в разные периоды развития Золотой Орды, его Булгарского и иных северных улусов и местных «княжеств»⁸, и предшествующими традициями именованія определенных территорий вне зависимости от их реального политико-административного, документально утвержденного названия, а также тем, что пределы самого Казанского ханства, безусловно, были разными в разные периоды его существования — одними при хане Махмуде в середине XV в. и совершенно иными при хане Абдул-Латыфе на стыке XV–XVI вв. и при хане Ядыгар-Мухаммаде в середине XVI в.⁹

Население Казанского ханства, кроме государствообразующей высшей социальной страты татар¹⁰ и имеющего широкую географию расселения и доминирующего во всех областях жизни страны формирующегося этносоциума казанских татар (в источниках XV–XVI вв. именуемого «казанцы», «казанский народ», «казанские татары», «татары» и т.д.), составляли добровольно подчинившиеся власти Джучидов¹¹ и просившие их быть «заступниками» «от насилия и воевания русского» и «царству строителями»¹² некоторая часть мордвы (мокши

⁸ См., например: Хамидуллин Б.Л. Предыстория Казанского ханства: образование и этническая история Казанского «княжества» // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002. С. 96–116.

⁹ Khamidullin B.L. The Golden Horde and Its Historical Heritage: Essays in History of Ulus Juchi and the Kazan Khanate. Kazan, 2022. P. 212–213.

¹⁰ Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV — сер. XVI вв.) // Панаорама-форум. Казань, 1995. № 3. С. 95–107; Мухамедьяров Ш.Ф. Содружество постзолотоордынских татарских исламских государств // Очерки истории исламской цивилизации. В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 119–122.

¹¹ См., например: Хамидуллин Б.Л. Образование Казанского ханства: этнический и социальный аспекты // Этнографическое обозрение. М., 1999. № 4. С. 82–93.

¹² Казанская история / Подг. текста и пер. Т.Ф. Волковой; комм. Т.Ф. Волковой и И.А. Евсеевой // Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. Т. 7. М., 1985. С. 326.

и эрзи) и удмуртов, некоторая часть формирующихся этносоциальных групп башкир, а также формирующиеся этносоциальные группы марийцев и чувашей (в источниках XV–XVI вв. именуемых «мордвой», «мо(у)кшей», «арами», «казанских мест вотяками», «отяками», «черемисами, зовемыми отяками», «башкирами», «башкирдою», «башкирцами», «татарами, называемыми черемисами», «черемисами», «горными черемисами», «луговыми черемисами», «черемешами», «чю(у)вашами» и т.д.) общей численностью (в середине XVI в.) около 400 тыс., максимум 500 тыс. человек. Русский князь А. М. Курбский, участник т.н. «казанских походов» до 1552 г., взятия Казани в октябре 1552 г. и подавления восстаний населения Казанского ханства в 1552–1556 гг., четко указывал, что «кроме татарска языка, в том царстве пять различных языков: мордовский, чювашский, черемиский, воитецкий або арски, пятый башкирский»; анонимный русский публицист середины XVI в., автор «Казанской истории», кроме татар, жителями «всей земли Казанской» называл «и чювашу и черемису и отяков и мордву и тархан и можар», а многие западноевропейские письменные источники и картографические документы XV–XVII вв. нередко упоминали периферийные области Казанского государства (в разных вариациях написания) «Башкирию», «Мокшию», «Страну Вачин», «Страну Мордву», «Страну Черемисию», «Чувашию» и т.д.¹³

В Казанском ханстве при активном использовании местных обычаев и юридической практики главенствовал ханафитский мазхаб суннитского ислама¹⁴. Именно мусульманское духовенство, наряду с ханами-Чингизидами и татарами, определяло обще-

¹³ *Khamidullin B.L. Chanat Kazanski i zamieszkujace go narody na kartach zachodnioeuropejskich pisanych zrodel historycznych od XV do XVII wieku // Życie Tatarskie. Grabowka, 2016. № 43(120). 5–17 s.; Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства в «Хронике европейской Сарматии» Александра Гваньини // Гасырлар авазы — Эхо веков. Казань, 2024. № 3. С. 116–125.*

¹⁴ Подробнее см.: *Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство как имманентная часть исламской цивилизации. Казань, 2023. 39 с.*

ственно-политическую жизнь государства¹⁵. Мусульманскому духовенству принадлежало почетное место в государственной системе Казанского ханства, а предводитель этого духовенства (верховный сейид, потомок пророка Мухаммада) возглавлял государственный совет (диван) и, нередко, — собрание «всей земли Казанской» (курултай), активно участвовал в ключевых процессах внутренней и внешней политики страны. Структура духовенства была четкой и разветвленной — в источниках есть информация о верховных и меньших сейидах и сейидовых сынах, шейхах и шейх-заде, муллах и мулла-заде, имамах, дервишах, суфиях, хафизах, казых (кадиях), абызах, мавали и данишмендах, осуществлявших богослужение, судопроизводство, миссионерскую, дипломатическую, канцелярскую, преподавательскую и даже военную деятельность, и чьи конкретные «должностные» и «мирские» обязанности (функции), к сожалению, не всегда четко отражены в дошедших до нас исторических материалах. Особо отметим наличие среди мусульман Казанского ханства представителей суфийского тариката Ясавийа и постепенное внедрение в их среду учения тариката Накшбандийа, позднее явивших миру так называемый «татарский суфизм»¹⁶.

Местные ханы-Чингизиды ясно осознавали свою принадлежность к исламской умме и мировой мусульманской цивилизации. Об этом говорится во многих татарских преданиях, в которых часто упоминаются «мусульманские ханы Казани», об этом свидетельствуют ханские ярлыки со строками из Корана и погребения казанских ханов на территории Казанского кремля, об этом информируют русские письменные источники. Ярким свидетельством этого является появление у казанских ханов Сахиб-Гирея (казанский хан

¹⁵ Худяков М.Г. Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань, 1922. 21 с.; Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства / Подг. к изд. Б.Л. Хамидуллин. Казань, 2004. С. 178–201; Мухамедьяров Ш.Ф. Казанское ханство // Очерки истории исламской цивилизации. В 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 123–127.

¹⁶ Бородовская Л.З. Развитие татарской суфийской культуры в эпоху Казанского ханства // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. Казань, 2018. № 2. С. 35–41.

в 1521–1524, крымский хан в 1532–1551 гг.) и Сафа-Гирея (казанский хан в 1524–1531, 1535–1546, 1546–1549 гг.) почетного титула «гази», обозначающего «борца за веру», «мусульманина, участвующего в войне за веру», «героя, победителя неверных»¹⁷. Татарская знать, что следует из данных многих письменных, археологических и фольклорных источников, также была мусульманской¹⁸.

Хотя в составе государства имелось и многочисленное языческое население (мордва-мокша, предки современных башкир, марийцев, удмуртов, чувашей и т.д.), основная масса населения Казанского вилайята также была исламизированной и именовалась, например, в русских источниках, «Казаньскими Срацынами», придерживающимися «безсерменьской их веры». Многочисленные мусульманские кладбища и отдельные погребения («святые места») с надмогильными памятниками с цитатами из Корана на территории Заказанья, Предволжья, Нижнего Предкамья и т.д. ясно свидетельствуют о преобладании исламской веры в среде местного населения. По-видимому, из 400–500 тысяч человек, проживавших в Казанском государстве в середине XVI века, как минимум 200–250 тысяч человек являлись мусульманами¹⁹. Ислам проник во все сферы жизнедеятельности населения Казанского царства, оказал огромное влияние на его идеологию, духовное развитие, экономику, быт, международные связи. Развитие мусульманского вероисповедания на территории Среднего Поволжья имело свои особенности, выражающиеся, прежде всего, в конфессиональной толерантности его носителей²⁰...

---

¹⁷ Хамидуллин Б.Л. Сафа-Гирей // Большая российская энциклопедия. М., 2015. Т. 29. С. 475.

¹⁸ Хамидуллин Б.Л. Функционирование ислама в Казанском ханстве // Научный Татарстан. Казань, 2022. № 2. С. 5–10.

¹⁹ Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 12. С. 402–405; Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Интернет-портал «Большая российская энциклопедия»: <https://bigenc.ru/c/kazanskoe-khanstvo-83f288> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁰ Khamidullin B.L. Islam and «Paganism»: Multilingualism and Multiculturalism in the Kazan khanate // Zolotoordynskoe obozrenie — Golden Horde Review. Kazan, 2025. Vol. 13. № 1. P. 196–206.

Рассмотрим же Казанское государство как цельную этнополитическую общность народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья на примере нахождения в его составе южных удмуртов.

В середине XV в. южная группа удмуртов — окончательно сформированного уже к рубежу X–XI вв. этноса²¹ (самоназвание *удморт*, *удмурт*, *укморт*, *уртмурт*, мн. *удмуртӧес*²²; экзоэтнонимы: мар. «одо», «одо-марий», рус. «арины/аряне», «арские люди», «воть», «вотяки», тат. «ар/арлар», «чирмеш/чирмешләр», чув. «ар/арсем» и т.д.) — оказалась в составе Казанского государства²³, в ее Арской²⁴ и отчасти Зюрейской даругах. Первый казанский хан Махмуд (сын основателя династии казанских ханов Улуг-Мухаммада) нашел в регионе поддержку среди местной родовой верхушки, видевшей в его приходе возможность усиления центральной власти, ослабления междоусобиц, активного противодействия экспансии на свою территорию новгородских и вятских

²¹ *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. 464 с.; *Чураков В.С.* Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. ...к.и.н. Ижевск, 2001. С. 111; *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004. 420 с.; *Чураков В.С.* Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. Ижевск, 2007. № 2. С. 80, 86–87; *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Удмурты: Историко-этнографический очерк. Ижевск, 2008. 248 с.

²² См., например: *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. 262 с.; *Белых С.К., Напольских В.В.* Этноним *удмурт*: исчерпаны ли альтернативы? // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1994. Т. XXX (4). С. 278–288.

²³ *Трефилов А.Ф.* Удмурты в период образования Русского централизованного государства в XV–XVI веках // Ученые записки НИИ истории, языка, литературы и филологии при СМ УАССР. Ижевск, 1951. Вып. 15. С. 78–101.

²⁴ По-удм. *Арима*, по-тат. *Арча ягы*, по-рус. *Арская сторона*, *Арская земля*. Это современное Заказанье — 12 районов Республики Татарстан, а также часть Мари-Турекского, Моркинского и Параньгинского районов Марий Эл, Вятскополянского и Малмыжского районов Кировской области.

ушкуйников, галичских, московских и иных русских князей²⁵. Как правильно писал в 1998 г. А.Г. Бахтин, «в условиях, когда Среднее Поволжье периодически подвергалось опустошительным набегам ушкуйников, вторжениям русских князей и отдельных татарских отрядов из степей, прибытие сильного войска и хана могло вызвать у местного населения надежду на стабилизацию политического положения в регионе и защиту. В сильной центральной власти были заинтересованы практически все, как болгарское население, так и марийцы, удмурты и чуваш»²⁶.

Арская даруга (*Арская земля, Арская сторона, Арская четверть*) была одним из наиболее густонаселенных административно-политических уделов государства со смешанным этносоциальным составом²⁷. Удмуртские поселения, входившие в состав Казанского ханства, обычно располагались по берегам рек, озер и вблизи родников. В настоящее время определенное количество сторонников имеет концепция удмуртского происхождения города Арска, якобы основанного в XI в. (упоминаемая арабами «Арса»/«Арта», главный город «Арсании»/«Артании»)²⁸

²⁵ О фактах этой экспансии см.: Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 37–39.

²⁶ Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 40.

²⁷ См., например: Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 271–278; Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 272–291; Мустафина Д.А. Арская даруга // Татарская энциклопедия: В 6 т. Казань, 2002. Т. 1. С. 183; Мустафина Д.А. «Арские люди» // Татарская энциклопедия: В 6 т. Казань, 2002. Т. 1. С. 183–184; Руденко К.А. Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.) // Татарская археология. Казань, 2002–2003. № 1/2. С. 100–136.

²⁸ Шутова Н.И. К вопросу о расселении аров в конце I — первой половине II тысячелетия н.э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 121. С предложенной Н.И. Шутовой датой начала функционирования Арска (конец I тыс.н.э.) согласны

и якобы существовавшего в качестве центра самостоятельного южно-удмуртского княжества в XII–XV вв.²⁹ и удельного удмуртского княжества в составе Казанского ханства в XV–XVI вв.³⁰, и в действительности многократно упоминаемого в разных русских летописях в связи с политическими событиями на территории Казанского ханства³¹. Серьезной основой этому мнению служат удмуртский фольклор³², в частности — информация, что «в Арске восседал удмуртский царь (эксэй)»³³, и наличие в названии города компонента «ар», однозначно трактуемого некоторыми исследователями как указание на удмуртов³⁴. Од-

---

многие ижевские археологи, поддержал это мнение и В. С. Чураков: Чураков В. С. Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. ...к.и.н. Ижевск, 2001. С. 78–79.

²⁹ Сысоева М. В. Первые письменные сведения об удмуртах // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 297–302.

³⁰ Худяков М. Г. Вотские родовые деления // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1920. Т. XXX. Вып. 3. С. 346–347.

³¹ Ситдинов А. Г., Хузин Ф. Ш., Шакиров З. Г. К ранней истории Арска // Арск и Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. Казань, 2010. С. 5–15; Бахтин А. Г., Хамидуллин Б. Л. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань, 2014. Т. 4. С. 289–358.

³² См., например: Атаманов М. Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997. С. 80–81, 84; Атаманов М. Г. Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // Finno-Ugrica. Казань, 2003–2004. № 1. С. 59–60.

³³ Атаманов М. Г. Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // Finno-Ugrica. Казань, 2003–2004. № 1. С. 60–61, 65.

³⁴ Историографию вопроса см., например: Белых С. К. Еще раз об этнониме *ар* // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1996. № 3. С. 85–92; Чураков В. С. О значении этнонима *ар* // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1999. № 4. С. 5–14; Чураков В. С. Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. ...к.и.н. Ижевск, 2001. С. 89–104.

нако, эта концепция не раз ставилась под сомнение³⁵ и уже не единожды серьезно критиковалась, в первую очередь ижевскими исследователями³⁶. Имеется также обширная историческая литература, рассматривающая возникновение города Арска в XII в. как результат болгаро-чувацкого заселения бассейна рек Казанки, Вятки и Чепцы. В этой концепции Арск считается изначально чувашским городом, население которого позднее было ассимилировано татарами. В концепциях же, обосновывающих болгаро-татарское происхождение Арска, возникновение города видится как результат процесса политико-экономического закрепления территории будущей Арской земли в рамках Волжской Булгарии в XI — первой половине XIII в.³⁷ либо как результат стремления золотоордынских татар «удержать за собой эту страну»³⁸, а последующее развитие города неразрывно связывается с этнополитической историей татар Волго-Вятского региона. Как правильно указали Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдилов и З.Г. Шакиров, «решение актуальных проблем ранней истории Арска возможно только при комплексном рассмотрении всех имеющихся источников и анализа результатов научных

³⁵ См., например: *Смирнов И.Н.* Вятки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1890. С. 53.

³⁶ См., например: *Белых С.К.* История «древнеудмуртской государственности» как продукт мифотворчества // Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2005. С. 10–16.

³⁷ См., например, статьи А.А. Бурханова, в 1996 г. проводшего первые стационарные археологические раскопки на территории Арска: *Бурханов А.А.* Средневековое городище Арск–Арча (некоторые итоги историко-археологического изучения) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик–Омск, 2001. С. 78–79; *Бурханов А.А.* Средневековый татарский город Арча–Арск (по материалам историко-археологических исследований) // Родной край — Туган жир. Казань, 2018. № 1. С. 92–107.

³⁸ *Второв Н.И.* Памятники древности в Казанской губернии // Журнал МВД. СПб., 1840. Вып. XXXVII. № 8. С. 214–215.

исследований»³⁹, «историко-культурное наследие Арска и его округа — это наследие всех проживающих здесь народов, созданное усилиями многих поколений их предков и требующее кропотливого изучения и бережного сохранения»⁴⁰.

Количество удмуртского населения, входившего в Казанское государство (т.н. южные и/или арские удмурты; в русских письменных источниках — «черемиса, зовемая отяки»⁴¹, ибо «две бо черемисы в Казанской области, а языка их три»⁴²; «казанские люди вотяки», «казанских мест вотяки», «вотяки из казанских мест»⁴³), было невелико — на мой взгляд, не более 50 тыс. человек⁴⁴. Видимо, в ханстве проживали представители следующих удмуртских родов (удм. *выжы*): Зумъя/Юмъя (члены этого большого рода часто занимали главенствующее положение среди удмуртов Арской земли), Дурга, Затча, Кибъя, Кёпка, Куарса, Лёзя, Можга, Нёръя, Омга, Пельга, Поколь, Пышъя, Салья, Туръя, Уля, Уча, Чабъя, Чипъя, Чола, Шудъя, Ёрга и др.⁴⁵. Пребывание удмуртов камского правобережья в составе Казанского ханства оставило

³⁹ Ситдинов А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. К ранней истории Арска // Арск и Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. Казань, 2010. С. 3.

⁴⁰ Там же. С. 5–15.

⁴¹ Казанская история // Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. Т. 7. М., 1985. С. 316.

⁴² Там же. С. 388.

⁴³ Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010. С. 145–146 (текст жалованной «опасной» и бережельной грамоты Ивана IV каринским князьям от 6 мая 1542 г.; здесь же северные удмурты названы «вятцкими каринскими вотяками»).

⁴⁴ Хамидуллин Б.Л. Южные удмурты в составе Казанского ханства (1445–1552 гг.) // Финно-угорский мир. Саранск, 2016. № 3. С. 76–81.

⁴⁵ Атаманов М.Г. Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // Finno-Ugrica. Казань, 2003–2004. № 1. С. 58–67; Чураков В.С. Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. ...к.и.н. Ижевск, 2001. С. 203–204; Чураков В.С. Происхождение названий удмуртских родов // Linguistica Uralica. Tallinn, 2005. Т. XLI (1). С. 43–57.

следы на многих сторонах их жизни. Исследователи отмечают сильное татарско-ногайское и марийское влияние на этнокультурный облик южных удмуртов; определенное этнокультурное воздействие на них оказали также башкиры и коми⁴⁶. Многие наименования предметов и понятия, в частности — социальные термины, привнесены в среду удмуртов именно в период Казанского ханства местными тюрками⁴⁷.

Очень непродолжительное время, около 10 лет, примерно с 1468 г. по 1477 г., когда в городе Хлынове — центре Вятской земли правил наместник хана Ибрагима, в состав Казанского ханства входили также северные удмурты и часть коми. Столь кратковременное пребывание северных удмуртов в вассальной зависимости от казанского хана, естественно, не отразилось на их этносоциальной истории. Очень правильно по этому поводу писал В.С. Чураков: «...Были случаи, когда обе группы удмуртов оказывались в составе одного государства, как это, к примеру, происходило в годы правления казанского хана Ибрагима, которому в 1468 и 1478 гг. удавалось распространить свою власть на Вятскую землю. Однако подобные объединения носили временный характер и не приводили к существенным изменениям в социально-политической истории северных и южных удмуртов, ориентированных на разные политико-культурные центры. Первые, соответственно, испытывали сильное влияние русских христианских княжеств и земель, а вторые тяготели к тюркскому, преимущественно мусульманскому миру. Причем в отличие от северных, южные удмурты прошли через длительный синтез культур и социально-политических институтов земледельцев и кочевников. Лишь после включения территории Казанского ханства в состав Русского царства обе

⁴⁶ Владыкин В.Е. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX в.) / Дисс. ...к.и.н. М., 1969. 386 с.; Чураков В.С. Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. ...к.и.н. Ижевск, 2001. 296 с.

⁴⁷ Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958. Т. 1. С. 36; Кельмаков В.Е. Удмуртский язык // Языки мира: уральские языки. М., 1993. С. 239–255.

локальные группы оказались в составе одного социального организма, более чем четырехсотлетнее пребывание в котором тем не менее не смогло до конца сгладить унаследованные от предыдущих эпох особенности материальной и духовной культуры южных и северных удмуртов»⁴⁸.

В условиях лесного Прикамья древнейшими хозяйственными занятиями удмуртов были охота, рыболовство, бортничество и собирательство. По мере развития производительных сил удмурты постепенно переходят к производящим формам хозяйства — животноводству и земледелию. Однако в XV–XVI вв. эти виды хозяйства удмуртов оставались еще малопродуктивными. Присваивающие типы хозяйства (охота, рыболовство, собирательство, бортничество) были более органично и непосредственно связаны с природно-географической средой обитания удмуртов и фактически полностью определялись ею.

Из ремесел наибольшее развитие у южных удмуртов периода Казанского ханства получили кожевенное, косторезное, деревообделочное и ткацкое, имевшие вид кустарного производства, появляется также кузнечное дело. Продукция ремесла в основном шла на удовлетворение спроса местного населения, торговля имела обменный локальный характер. Предметами же вывоза из Арской земли являлись пушнина, мед и олово⁴⁹.

В этот период в культуре южных удмуртов прослеживается активное смешение традиций местных финно-угорских и тюркских народов. Исследователи отмечают близость культуры удмуртов к культуре коми и луговых марийцев, а также сильное тюркское влияние на материальную и духовную культуру удмуртов⁵⁰. Именно этим влиянием В. Е. Владыкин объясняет появление в Прикамье этнографической группы *бесермян*, которых

---

⁴⁸ Чураков В. С. Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. ...к.и.н. Ижевск, 2001. С. 3.

⁴⁹ Хамидуллин Б. Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002. С. 218.

⁵⁰ Владыкин В. Е. Удмурты // Вопросы истории. М., 1969. № 11. С. 214–220.

он считает частью южно-удмуртского населения, испытавшую значительную тюркизацию и исламизацию⁵¹.

Этноним «бесермян» распознается относительно легко — это искаженное от тюрк. *busurman*, восходящее к перс. *mosalman*, произошедшего от араб. *moslem(un)*⁵². В русских письменных источниках XIII–XVI вв. термином «бесермены» именуются мусульмане, какая-то часть волжско-камских булгар, а также татары⁵³. Не забудем также и сообщение Сигизмунда Герберштейна первой трети XVI в. о том, что «название же “бесермены” их [татар] радует»⁵⁴, что косвенно свидетельствует о достаточно широком распространении этого термина в Поволжье. На сегодняшний день практически все исследователи единодушны с географическими (Арская земля) и хронологическими (период Казанского ханства) рамками этногенеза бесермян. Однако с этническими компонентами и элементами их этногенеза, а также с пропорциями этих компонентов и элементов до сих пор не все ясно⁵⁵, т.к. в русских письменных источниках XVI–

⁵¹ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов: Опыт реконструкции традиционного мировоззрения дореволюционного удмуртского общества / АДД. М., 1991. С. 24, 28.

⁵² Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. С. 52–53; Белых С.К. К вопросу о происхождении самоназвания бесермян // VIII Петряевские чтения. Материалы научной конференции. Киров, 2005. С. 132.

⁵³ Напольских В.В. «Бисермины» // О бесермянах: сб. ст. / Под ред. Г.К. Шкляева. Ижевск, 1997. С. 50–54; Рудаков В.Н. О значении термина «бесермене» в русских источниках второй половины XIII–XVI вв. // Вестник славянских культур. М., 2013. № 3. С. 19–24.

⁵⁴ Из глубины столетий / Сост. Б.Л. Хамидуллин. Казань, 2000. С. 238.

⁵⁵ Историографию вопроса и мнения исследователей см., например: Корепанов Д.И. Бесермяне // На удмуртские темы / Ученые записки НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. М., 1931. Вып. 2. С. 99–106; Трефилов Г.Н. Бесермяне по письменным источникам // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 310–318; Тепляшина Т.И. О смешении терминов «чуваши» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки НИИ при СМ Чуваш-

XVII вв. они именуются «чуваши/чюваши/чаваши» либо «чаваши арьскими»⁵⁶, в документах XVII в. — и «чуваши», и «бесермянами»⁵⁷ (лишь с конца XVII в. они начинают именоваться только лишь «бесермянами», аналогично тому как «ясачные чуваши» Казанского уезда — представители крестьянского сословия, платившего ясак — начинают име-

---

ской АССР. Чебоксары, 1968. Вып. 40. С. 177–187; *Тепляшина Т.И.* Язык бесермян. М., 1970. С. 5–22; *Владыкин В.Е.* Происхождение бесермян // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований: Тез. докл. Тбилиси, 1971. С. 56–57; *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия булгарского и золотоордынско-тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 19–37; *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 25–27; *Каховский В.Ф.* Этноним «чуваши» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982. С. 90–94; *Кельмаков В.К.* Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тез. докл. Устинов, 1987. Т. 1. С. 113–115; *Напольских В.В.* «Бисермины» // О бесермянах: сб. ст. / Под ред. Г.К. Шкляева. Ижевск, 1997. С. 50–54; *Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. С. 52–53; *Белых С.К.* К вопросу о происхождении самоназвания бесермян // VIII Петряевские чтения. Материалы научной конференции. Киров, 2005. С. 130–135. В последней из указанных статей очень интересно рассматривается и проблема термина «чуваши» для периода Казанского ханства. См. также: *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010. С. 60–75 (выводы автора о происхождении бесермян см. на с. 67).

⁵⁶ *Луппов П.Н.* О бесермянах // О бесермянах: сб. ст. / Под ред. Г.К. Шкляева. Ижевск, 1997. С. 22–23; *Белых С.К.* К вопросу о происхождении самоназвания бесермян // VIII Петряевские чтения. Материалы научной конференции. Киров, 2005. С. 130–135.

⁵⁷ *Луппов П.Н.* О бесермянах // О бесермянах: сб. ст. / Под ред. Г.К. Шкляева. Ижевск, 1997. С. 23; *Тепляшина Т.И.* О смешении терминов «чуваши» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1968. Вып. 40. С. 177–187.

новаться «ясачными татарами»⁵⁸), но при этом сами про себя даже спустя сотни лет говорили и говорят: «мы прежде были татарами»⁵⁹, «мы из татар, а сейчас удмурты»⁶⁰, т.е. очень конкретно подчеркивают свое татарское происхождение и отмечают ассимилированность в угро-финноязычной среде⁶¹. Отсутствие у бесермян *воршудов* (у удмуртов — духов-покровителей того или иного *выжы* — рода⁶²), также, по мнению К. И. Козловой,

⁵⁸ См., например: *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1963. С. 176; *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв.: управление Казанским краем. Казань, 1982. С. 67; *Исхаков Д.М.* Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Советская этнография. М., 1988. № 5. С. 140–146; *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. С. 80–102. См. также материалы Круглого стола «Понятия «чуваш» и «ясачная чуваша» в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты» (г. Казань, 6 декабря 2013 г.) в сборнике: Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Казань, 2014. Вып. 4. С. 207–242. Ср., например: *Димитриев В.Д.* Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. — 1861 г.) // Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 86. С. 84, 94; *Каховский В.Ф.* Этноним «чуваша» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982. С. 90–94.

⁵⁹ *Сорокин П.М.* Татары Глазовского уезда // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1897 год. Вятка, 1896. С. 90.

⁶⁰ *Владыкин В.Е.* К вопросу об этнических группах удмуртов // Советская этнография. М., 1970. № 3. С. 43.

⁶¹ Однако В.В. Напольских в 1997 г. отмечал, что современные бесермяне «очень четко отделяют себя (точнее — в известной степени дистанцируются) от окружающих народов — удмуртов и татар» (*Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. С. 52–53).

⁶² *Чураков В.С.* Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. ...к.и.н. — Ижевск, 2001.

ставит под сомнение гипотезу о южно-удмуртском происхождении бесермян⁶³.

Основная часть южных удмуртов (как и северных) исповедовала языческую религию. Система язычества удмуртов, имевшая много общего с верованиями других финно-угорских народов региона, характеризовалась значительной сложностью и развитостью. Об этом свидетельствуют многочисленный пантеон божеств, авторитет служителей культа, наличие особых мест молений, святилища, детально разработанные ритуалы с обрядами жертвоприношений и т.д. — все это было призвано идеологически обеспечить функционирование схемы «человек-общество-природа»⁶⁴. В этом месте важно отметить, что в ханстве, при главенстве ислама и росте его влияния на все сферы жизни государства⁶⁵, существовала полная веротерпимость, что было связано с традициями Хазарского каганата, Волжско-Камской

С. 125–126; Чураков В.С. К критике воршудной теории // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 2003. № 2. С. 4; Чураков В.С. Об удмуртском роде «выжы» и его сакральном покровителе «воршуде» // Вордском кыл. Ижевск, 2004. № 2. С. 55–60; Чураков В.С. Происхождение названий удмуртских родов // Linguistica Uralica. Tallinn, 2005. Т. XLI(1). С. 43–57. См. также: Бушмакин С.К. Воршудные имена — микроэтнонимы удмуртов // Этнонимы. М., 1970. С. 168–176; Зеленин Д.К. Что такое воршуд? // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимике. Ижевск, 1980. С. 118–132; Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск, 2001. 215 с.

⁶³ Козлова К.И. Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993 [рецензия на книгу] // Этнографическое обозрение. М., 1994. № 3. С. 168–170.

⁶⁴ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов: Опыт реконструкции традиционного мировоззрения дореволюционного удмуртского общества / АДД. М., 1991. 34 с.; Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Удмурты: Историко-этнографический очерк. Ижевск, 2008. 248 с.

⁶⁵ Хамидуллин Б.Л. Функционирование ислама в Казанском ханстве // Научный Татарстан. Казань, 2022. № 2. С. 5–10.

Булгарии, Монгольской империи и Золотой Орды⁶⁶. В Казани находилась армянская церковь, около половины населения государства свободно исповедовало разные виды язычества. По свидетельству многих источников, ислам в иноконфессиональной среде распространялся ненасильственно — в результате усиления этнокультурных контактов⁶⁷.

Издавна включенные в тесные межэтнические политические, экономические и культурные связи в составе Волжской Булгарии и Золотой Орды южные удмурты Казанского ханства достигли более высокого уровня развития производительных сил, и социальная дифференциация у них была выражена ярче, чем в тот же период истории у северных удмуртов⁶⁸.

Главой соседской общины на собрании общинников *кенеше* (тюрк. «совет») избирался *тюро* (тюрк. «руководитель») и его помощники, которые при посредничестве *эльйыров/калыкйыров* (сотных князей; от тюрк. «страна», «народ») регулировали взаимоотношения удмуртского податного населения с арскими князьями. Постепенно, при поддержке татарских мирз, которые нередко были кровно связаны с удмуртской знатью⁶⁹, установи-

⁶⁶ См., например: Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. Philology and culture. Казань, 2013. № 1(31). С. 214–221; Khamidullin B.L. Pax Khazarica: a View from the XXI century // Studia et documenta turcologica. 2015–2016. Cluj-Napoca, 2016. № 3/4. 117–129 p.; Хамидуллин Б.Л. Золотоордынская цивилизация и ее наследие // «Ұлы Дала». IV-ші халықаралық гуманитарлық ғылымдар форумының материалдары (Екінші бөлім). Нұр-Сұлтан, 2019. Ч. II. 452–463б.; Хамидуллин Б.Л., Белов С.Г. Эволюция религиозных представлений древних болгар и принятие ислама в 922 г. в Волжской Булгарии // Научный Татарстан. Казань, 2023. № 2. С. 5–19.

⁶⁷ Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство как имманентная часть исламской цивилизации. Казань, 2023. 39 с.

⁶⁸ 425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России (1558–1983). Ижевск, 1983. С. 19.

⁶⁹ Трефилов А.Ф. Удмурты в период образования Русского централизованного государства в XV–XVI веках // Ученые записки НИИ исто-

лась несменяемость тюрко (*байев/узыров* — богачей), и они стали сосредоточивать в своих руках значительную власть и обогащаться за счет простых общинников (*калык, кара-калык, начар-калык, куанер* — черные люди, бедняки). Со временем они становятся мелкими землевладельцами. Укрепление власти тюрко было выгодно казанским феодалам, т.к. обеспечивало бесперебойность поступления ясака в правительственную казну, в то же время значительно снижая возможность возникновения этносоциального напряжения в регионе.

В социальной структуре южно-удмуртского общества периода Казанского ханства заметное место занимали и служители языческого культа. Должность жреца среди удмуртов не наследовалась персонально, а закреплялась за определенной родственной (семейной) группой — «родом жреца». Жреческая группа не была единой, а строилась по иерархическому принципу: низшим божествам служили низшие жрецы, верховным — главные жрецы⁷⁰.

Южные удмурты подчинялись татарским феодалам, называемым в русских летописях «Арьскими князьями»⁷¹, чьи дворцы, по мнению русского полководца А.М. Курбского, были «зело прекрасны и воистину удивления достойны»⁷². Арьские князья (по мнению многих казанских и ижевских историков — потомки кыпчаков султана Бачмана, татарские князья из клана Кыпчак⁷³, по мнению

рии, языка, литературы и филологии при СМ УАССР. Ижевск, 1951. Вып. 15. С. 97; *Исхаков Д.М.* Арьские князья и нукратские татары. Казань, 2010. С. 127.

⁷⁰ *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002. С. 220–221.

⁷¹ См., например: Казанская история. М. — Л., 1954. С. 132; *Галлям Р.Г.* Летописные «Арьские князья» XIV–XVII вв.: политический, этимологический и этнический аспекты // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2010. Вып. 2. С. 141–143.

⁷² *Курбский А.* Избранные сочинения. СПб., 1902. С. 21.

⁷³ См., например: *Исхаков Д.М.* О происхождении «арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказанье: Проблемы истории и культуры. Материалы конференции 1995 г. Казань, 1995. С. 95–98; *Чураков В.С.* Южные удмурты в X — середине XVI века

некоторых ижевских исследователей — представители отатаренной южноудмуртской племенной знати⁷⁴) имели свои резиденции в городе Арске (центре Арской даруги) и в крупном населенном пункте Нукрате (ныне — село Карино Слободского района Кировской области; по-удм. — Карагурт), расположенном на реке Чепце⁷⁵. Как единодушно отмечают многие исследователи, арские князья играли выдающуюся роль в политической и социально-экономической жизни Казанского ханства, что, например, подтверждают события лета 1496 г. (мятеж арских князей и изгнание хана Мамука)⁷⁶, июля 1530 г. (бегство Сафа-Гирея из Казани в Арск)⁷⁷, сентября 1552 г. (бои на территории Арской даруги)⁷⁸, а также восстания 1552–1556 гг.⁷⁹.

(проблемы социально-политической истории) / Дисс. ...к.и.н. Ижевск, 2001. С. 233, 243; *Владыкин В.Е.* Удмуртский этнос на перекрестке цивилизаций // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Саранск, 2003. С. 270; *Белых С.К.* История «древнеудмуртской государственности» как продукт мифотворчества // Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2005. С. 10–16; *Исхаков Д.М.* К вопросу о средневековой истории татар Вятского края // Национальная история татар: Теоретико-методологическое введение. Казань, 2009. С. 233–238. На сегодняшний день наиболее подробно вопрос рассмотрен в работе: *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010. 224 с.

⁷⁴ См., например: *Гришкина М.В.* Арские князья в истории удмуртов // Гришкина М.В. Этюды из истории удмуртов IX–XIX вв. Ижевск, 1994. С. 49–66; *Гришкина М.В.* Удмуртия в конце XV — первой половине XIX века // История Удмуртии. Конец XV — начало XX века. Ижевск, 2004. С. 25, 34.

⁷⁵ *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010. 224 с.

⁷⁶ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XII. С. 343; Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 166, 467.

⁷⁷ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М. – Л., 1959. С. 314.

⁷⁸ См., например: Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 415–420.

⁷⁹ *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 143–156.

Летом 1489 г. город Хлынов и Вятская земля были завоеваны войсками московского великого князя Ивана III⁸⁰. М. В. Гришкина, оценивая данное событие, отмечала: «...в 1489 г. вместе с русским населением Вятской земли к Московскому государству были присоединены северные удмурты. Великокняжеская власть не нуждалась в выражении волеизъявления какой-либо группы населения, тем более удмуртов. Военная сила была решающим аргументом при присоединении той или иной территории к Московскому великому княжеству в процессе его разрастания и превращения в Российское государство»⁸¹. Окончательное же присоединение Вятской земли к Московии, по всей видимости, произошло лишь во второй половине 1540-х гг.⁸², о чем свидетельствует информация письма казанского хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I⁸³.

16 июня 1552 г. многотысячная русская рать⁸⁴, в составе которой были касимовские татары с ханом Шах-Али и городецкие служилые татары под руководством Ак-сеита Черевсеева, тем-

⁸⁰ Софийские летописи // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 239; Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРЛ. Л., 1982. С. 97.

⁸¹ Гришкина М. В. Удмуртия в конце XV — первой половине XIX века // История Удмуртии. Конец XV — начало XX века. Ижевск, 2004. С. 31.

⁸² Чураков В. С. Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. Ижевск, 2007. № 2. С. 79.

⁸³ Мустафина Д. А. Послание царя казанского // Гасырлар авазы — Эхо веков. Казань, 1997. № 1/2. С. 32.

⁸⁴ По мнению советского военного историка Е. А. Разина, «русская рать [в 1552 г. под Казанью] максимально могла насчитывать 50 тыс. человек». См.: Разин Е. А. История военного искусства. М., 1957. Т. 2. С. 355. На сегодняшний день наиболее обстоятельно количество русской рати рассмотрено в публикациях: Белов Н. В. «Казанское взятие» 1552 г.: количественное измерение (источниковедческие заметки) // Словесность и история. СПб., 2022. № 2. С. 32–54; Белов Н. В. «И сочтоша во всех полках 150 тысяч»: Сколько воинов не было в армии Ивана Грозного под Казанью в 1552 году? // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. СПб., 2023. № 20(53). С. 80–106.

никовская мордва во главе с князем Еникеем, а также чуваш и горные марийцы⁸⁵, под единым командованием царя Ивана IV выступила в поход «х Казани». 4 августа она достигла границы — реки Суры, а 23 августа стала лагерем на Царском лугу под Казанью. Обороняющееся казанское войско было разделено на 3 основных подразделения. Самое внушительное из них защищало столицу ханства и, по свидетельству А. М. Курбского, насчитывало 30 тыс. «избранных» воинов⁸⁶. Вторая группировка, численностью 15–30 тыс. воинов, возглавляемая князем Япанчей, Шунак мурзой и арским князем Евушем, прикрывала дорогу на Арск и, находясь в непосредственной близости от Казани, должна была наносить удары по царским войскам со стороны Арского поля. Кроме татар, удмуртов и марийцев, в его составе находилось 2700 ногайцев⁸⁷. Многочисленное же марийское ополчение действовало самостоятельно на территории Галицкой даруги. Взаимодействуя друг с другом, все 3 подразделения казанского войска с первых же дней битвы за Казань стали наносить ощутимый урон войскам Ивана IV.

Однако вскоре царские войска достигли серьезного успеха, разгромив арскую группировку ханских войск. Во время удачного наступления они заняли Арск «и повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали»⁸⁸. «Война их была на полтора ста верст поперег, а в долину и по Каму, села повыжгли и скот их побили»⁸⁹. Анонимный летописец так описывал победоносное шествие русских войск по Казанской земле: «И наполни всю казанскую землю воями своими, конники и пешцы; и покрываша ратью поля и горы и подолия, и разлетешася аки птица по всей земли той, и воеваху, и пленяху

⁸⁵ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 199–200, 210.

⁸⁶ Сказания князя Курбского. СПб., 1833. Ч. 1. С. 24.

⁸⁷ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 131–133.

⁸⁸ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 211.

⁸⁹ Там же.

Казанскую землю и область всюде, невозбранно ходяще на вся страны около Казани и до конец ея. И быша убиения человеческая велика, и кровми поляися варварская земля; блата и дебри, и езера и реки намостишася черемискими костми»⁹⁰.

После разгрома Арской земли Казань оказалась в плотном окружении русской армии. В конце сентября Иван IV приступил к методичному штурму города, и 2 октября 1552 г. столица ханства пала, а хан Ядыгар-Мухаммад сдался на милость царю⁹¹.

В первые же дни после взятия Казани, возможно, уже 3 октября, состоялся «совет» с целью организации системы управления завоеванным краем и выработки политической линии в отношении коренного населения. На нем присутствовали царь, воеводы и священнослужители. Если первый вопрос решили единодушно, то при определении курса в отношении народов Поволжья обнаружили принципиальные расхождения. Большая часть воевод, по определению А. М. Курбского, «все мудрые и разумные», и сам князь советовали царю задержаться в Казани до весны для того, чтобы он «до конца выгубил бы воинство бусурманское и царство оное себе покорил и усмирил землю на веки»⁹². Противоположная точка зрения была у братьев царицы Анастасии Данилы и Никиты Романовичей Захарьиных, еще нескольких воевод и священников. Они предлагали воздержаться от военных акций в отношении местного населения, вывести основные силы русских войск из завоеванного ханства и решать все вопросы мирным путем на переговорах с местным населением. Умеренный подход ориентировал правительство на сочетание мирных и карательных мер с целью интеграции завоеванных народов в систему Русского государства. Вопреки мнению большинства, царь принял вторую точку зрения, т.к. более-менее мирное подчинение края избавляло его от дорогостоящей и кровопролитной войны, а также отвечало фискальным интересам государства.

⁹⁰ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 127.

⁹¹ Хамидуллин Б. Л. 1552 ел фажигасе тарих битләрендә // Казан утары. Казан, 2002. № 9. 152–164б.

⁹² Сказания князя Курбского. СПб., 1833. Ч. 1. С. 47.

По улусам ко всем черным людям были разосланы «жаловальные грамоты опасные, чтобы шли ко государю, не бояся ничего; а хто лихо чинил, тем бог мстил; а их государь пожалует»⁹³. «И прислали ко государю арьские люди бити челом казаков Шемая да Кубиша з грамотою, чтобы государь их черных людей пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари, и прислал бы к ним сына боярского, хто бы им сказал царево жалованное слово, а их собрал, понеже они со страху разбежались, и они бы, учиня государю правду, дав шерть, поехали ко государю»⁹⁴. Вскоре «с Луговой стороны также черемиса приехала ко государю бити челом, и государь их пожаловал»⁹⁵. По приказу царя по улусам были направлены сын боярский Никита Казаринов и служилый татарский мурза Камай. 10 октября они возвратились в Казань вместе со многими арскими людьми. Одновременно и «луговые люди из Як и изо многих мест к государю приехали»⁹⁶. Состоялись переговоры, на которых представители местного населения просили, «чтобы им государь милость показал, а они всею землею государю бьют челом и ясаки дают»⁹⁷.

В ознаменование наступившего мира был устроен пир, на котором присутствовали как русские воины и их союзники из числа различных поволжских народов, так и прибывшие на переговоры представители татар, луговых марийцев и удмуртов. После пира царь приказал «дать им семена земные, и коня, и волы на оранье, инем же и одеяние дать и сребрениц понемногу» и «отпусти их по местом своим жити без боязни, наказав воеводам, да закажут воем своим не обидети их ничим же»⁹⁸.

Таким образом, 10 октября 1552 г. весь край юридически покорился русскому царю. Необходимо отметить, что за несколько

⁹³ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 221.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 161.

дней в Казань не могли, из-за опасения и удаленности, приехать многие представители отдельных родов. Следует учесть и то, что население пошло на признание подданства в обстановке реальной угрозы возможного наступления высвободившихся после взятия Казани войск. Поэтому челобитье 10 октября не во всем адекватно отражало настроения местного населения. Да и царские подарки вряд ли произвели сильное впечатление на удмуртов, татар и марийцев, ведь они всего лишь получили назад часть разграбленного у них же имущества. Однако царь, уверенный в успехе своей политики, уже поторопился объявить, что «из всех Казанских предел, вси земский люди, арския и луговья, нам доби́ли челом и обеща́лися нам до века дань давати»⁹⁹.

Спустя несколько недель в Среднем Поволжье началось восстание за освобождение Казанского ханства, в котором активное участие приняли все народы края¹⁰⁰. Одним из центров восстания стала Арская земля, где отряды повстанцев состояли в основном из татар, удмуртов и марийцев¹⁰¹. Вот, к примеру, границы карательной экспедиции русских войск в 1554 г.: «А война их была от Казани и по Каму, а от Волги за Ошит и за Оржум и на Илит и под Вятские волости, и от Казани вверх по Каме пол-300 верст, а от Волги к Вятке поперек 200 верст»¹⁰².

Только подавление восстания 1552–1556 гг. приводит к тому, что вся основная территория проживания удмуртов (и северных, и южных) полностью и окончательно входит в состав Московского государства. Как результат, Среднее Поволжье и Западное Приу-

⁹⁹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 113.

¹⁰⁰ Бахтин А. Г. Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб., 2022. С. 396–417.

¹⁰¹ Подробнее см.: Гришкина М. В. Удмуртия в конце XV — первой половине XIX века // История Удмуртии. Конец XV — начало XX века. Ижевск, 2004. С. 46–49.

¹⁰² Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 239.

ралые явились первыми крупными полиэтничными регионами, включенными в состав Московского царства, отныне превратившейся в Россию со своим уникальным многонациональным и поликультурным обликом¹⁰³.

Казанское ханство имело богатую историю. Являясь крупным и экономически развитым государством, структурообразующим элементом для всего Волго-Уральского региона и одной из колыбелей наиболее многочисленной этнотерриториальной группы татар — татар Поволжья и Приуралья, оно играло серьезную роль в политической жизни и внесло существенный вклад в этносоциальную историю Центральной Евразии. Изучение этнокультурного и социально-экономического развития населения Казанского ханства привело меня к заключению, что оно было исторически прогрессивным. Народы Казанского государства реально ощущали и осознавали положительные плоды своей принадлежности к единому общественно-политическому и этнокультурному пространству, о чем свидетельствует их активное многолетнее стремление сохранить его суверенитет. И только взвешенная оценка падения средневековой ханской Казани в октябре 1552 г. и глубокий анализ предпосылок и причин «присоединения» всей территории татарского государства к Московскому царству в начале 1556 г. с сугубо объективных научных позиций будет способствовать росту интереса к общей истории народов Российской Федерации и, несомненно, будет полезной на любом этапе развития межнациональных отношений в многоэтнической и поликонфессиональной огромной стране...

---

¹⁰³ 400 лет вместе с русским народом. Ижевск, 1958. 103 с.; Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. 422 с.; Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI — начало XIX вв. М., 1990. 269 с.; Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство в панораме веков // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Казань, 2003. С. 263–290; Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству: Вхождение народов Поволжья в состав России. СПб., 2017. 352 с.

B. L. Khamidullin

**The Kazan State as an Integral Ethnopolitical
Community of the Peoples of the Middle Volga Region
and the Western Urals in the 15th–16th centuries**

Summary. The Kazan Khanate (1438/1445–1552/1556), being a geographically large, politically and economically developed state, as well as a system-forming element for the entire Volga-Ural region, had a rich history. It played a serious role in the ethnopolitical life of Eastern Europe and Western Siberia, and made a significant contribution to the history of the peoples of Central Eurasia. The study of ethnocultural and socio-economic development of the population of the Kazan Khanate led the author to the conclusion that it was progressive. The peoples of the Kazan state realized positive fruits of their belonging to a single socio-political and ethnocultural space, as evidenced by their (at that time — quite logical) active long-term desire to preserve its integrity. As a result of the events of 1552–1556 the Middle Volga region was the first large multi-ethnic region incorporated into the Muscovite Kingdom, which has now and forever been transformed into Russia with its unique multi-national and multi-cultural appearance.